

И. А. Трутнев

РАННЕМОСКОВСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ XIII — НАЧ. XV в. КАК СОБИРАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЙ ЗОДЧЕСТВА КИЕВСКОЙ РУСИ (X—XII вв.) И УДЕЛЬНЫХ КНЯЖЕСТВ (XII—XIV вв.)

В конце XIII века, при князе Данииле Александровиче (в 1276–1303 гг.), сыне Александра Невского, бывший пограничный город Владимиро-Суздальского княжества — Москва становится столицей небольшого удельного княжества Московского. Первые монументальные здания в Москве возведены уже в конце XIII века. Это **Успенский и Архангельский соборы в московском Кремле**, просуществовавшие сравнительно недолго и через полвека замененные новыми постройками. Судить о типе или композиции древнейших храмов нет возможности, от них сохранились лишь незначительные остатки. Однако сама их белокаменная техника и резные детали свидетельствуют о том, что Москва с первых шагов продолжала традиции зодчества Владимиро-Суздальского княжества, основы которых начали формироваться еще в период Киевской Руси в XI–XII вв.

В начале XIV века Москва оказалась в ряду самых сильных городов Северо-Восточной Руси, таких как Тверь и Рязань. Владения Московского княжества стремительно расширялись, а уже начиная с 20-х годов XIV в. за московскими князьями закрепилось право носить титул «великих». В период, когда московские князья боролись за укрепление своих владений (XIII–XIV в.), идеологическая функция главных ансамблей Московского княжества и их основных храмов стала особенно значимой. Положение Москвы, ставшей в 1326 году религиозным и одним из главных политических и культурных центров среди других княжеств, обязывало ее, и другие города Московского княжества, иметь каменные храмы больших размеров, отражающие в своей архитектуре её возросшее значение. Но она располагала довольно скромными материальными средствами, не позволявшими возводить большие здания, которые могли бы воздействовать одними своими размерами.

Каменные храмы Московского княжества не могли по своим размерам идти ни в какое сравнение с Софийскими соборами Киева и Новгорода, Успенским собором во Владимире, соборами Суздаля и Ростова. По композиции они не отличались от небольших владими́ро-суздальских храмов домонгольского периода, а по величине были близки уличанским храмам Новгорода. Лишенные возможности воздействовать на зрителей величиной своих храмов, московские мастера, видимо, не стремились создать иллюзию их больших размеров.

Наиболее доступными для московских мастеров были образцы владими́ро-суздальского зодчества. Ассоциации с ними могли стать выражением политических претензий на наследование великого княжества Владимирского. За Владимиром виделись Киев и его бывшее главенство над всеми землями Руси. И для утверждения значимости, на которую претендовали московские князья, нужно было выходить

из круга недавнего и хорошо известного, противопоставляя ему новые образы, новые формы. Этой цели служило обращение к культуре времени расцвета Киевской державы, в сознании людей XIV в. уже получившего очертания героического мифа. Стремясь обновить художественную культуру, различные государства того времени очень часто обращались к наследию легендарного прошлого, его «возрождению» (как западноевропейские народы, так и народы Востока).

Из наследия зодчества Киева была выбрана традиция, превращавшая крестово-купольный храм в нарастающий к центру башнеобразный объем. Традиция связывалась с символическим выражением политической идеи «киевского наследия». Подчеркнутая центричность и вертикальная динамика позволяли даже небольшой храм сделать сильным акцентом ансамбля. Такие постройки отвечали принципу господства массы над пространством и восприятию храма как объекта поклонения.

Трудно судить о том, какие именно памятники стали образцами для раннемосковского зодчества — от него дошла до нашего времени слишком малая часть.

Первое каменное здание, Успенского собора в Московском Кремле возникло уже в конце XIII в. Его крестообразный план, по-видимому, точно повторял план Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, продолжавшего в Залесской земле «героическую» линию киевской традиции. К тому же типу башнеобразных храмов принадлежал и сменивший эту постройку белокаменный Успенский собор (1326–1327 гг.) времен правления князя Ивана Калиты. Построенный в традициях башнеобразных храмов, он имел гораздо меньшие боковые притворы при более массивных столбах и стенах.

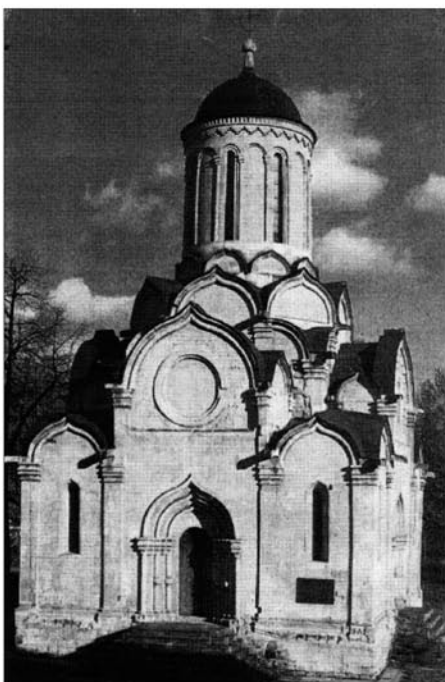
Крупнейшей постройкой был не дошедший до нас **Успенский собор в Коломне** (1379–1381 гг.). Это был четырехстолпный храм с пониженными угловыми частями и закомарами, венчающими фасады. Переходом от закомар к барабану главы служил ряд декоративных кокошников, завершающих пирамидальное очертание верха. Образцом объемно-планировочного решения, возможно, был Троицкий собор (1365–1367 гг.) в Пскове. К тому же типу относится **собор подмосковного Симонова монастыря**, построенный в конце XIV века, и ряд храмов в других городах Московского княжества.

Одновременно с традицией башнеобразного храма в московской архитектуре конца XIV в. развивалась линия более каноничных решений, связанная с наследием Владимиро-Суздальского княжества. Наиболее «владимирская» среди раннемосковских построек — **Успенский собор на Городке в Звенигороде** (1399–1400 гг.). Во владимиро-суздальской архитектуре XII в. фасады были внешней проекцией конструктивной структуры здания. Положение лопаток отвечало положению столбов внутри, что вызывало асимметричность южного и северного фасадов. Зодчих звенигородского храма интересовало прежде всего здание как центр ансамбля; они стремились к строгой уравновешенности его объема, им пришлось отказаться от полного совпадения ритмов членений внутреннего пространства и внешних граней объема здания. Тем самым они вернулись к двойственности трактовки прототипа в раннем зодчестве Киевской Руси (Спасский собор в Чернигове, 1037 г.).

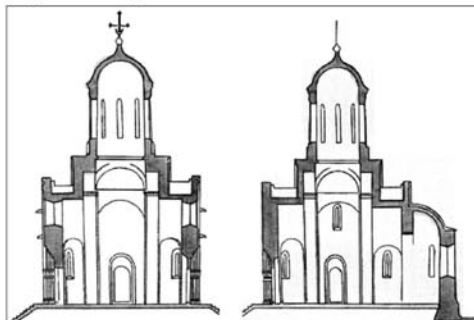
Основные черты стиля московского зодчества, воплотившиеся в Успенском соборе, повторяются и в более поздних постройках, хотя они уже утрачивают свойственное ему замечательное сочетание изящества и простоты. В начале

В основу конструктивно пространственного решения положена схема четырехстолпного храма с пониженными угловыми ячейками. Преобладает ощущение динамичного развития архитектурного сооружения вверх. Нарастание объемов развивается органично от периферии к центру. Динамичные, устремленные ввысь килевидные формы, ритмически чередуясь, поддерживают стройную главу. Ощущению взлета способствует треугольное расположение окон на фасадах, отвечающее ступенчатому построению всей композиции, а также двухъярусность лопаток в средних пряслах фасадов.

Объединением основного объема с главой при помощи многочисленных кокошников строители Спасского собора создали целостное столпообразное сооружение. При этом нижний объем собора не производит единой статичной массы. Преобладает ощущение динамичного развития архитектурного сооружения вверх.

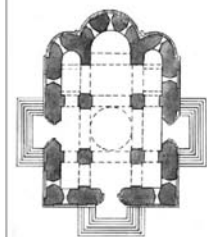

Вид Спасского собора с запада

Поперечный разрез

Продольный разрез

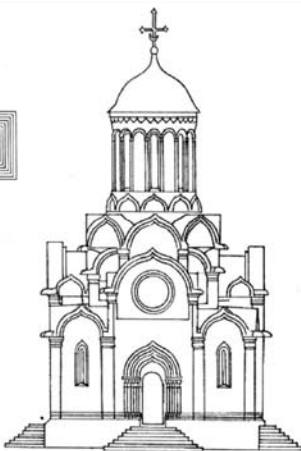
План

0 5 10м

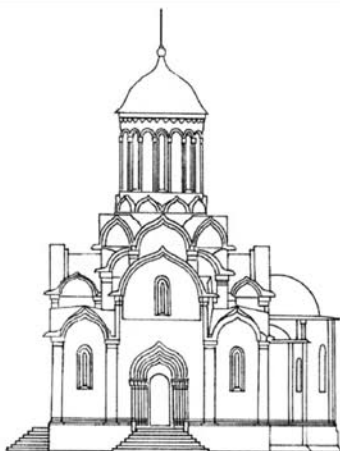
м. плана и разрезов

0 5

м. фасадов

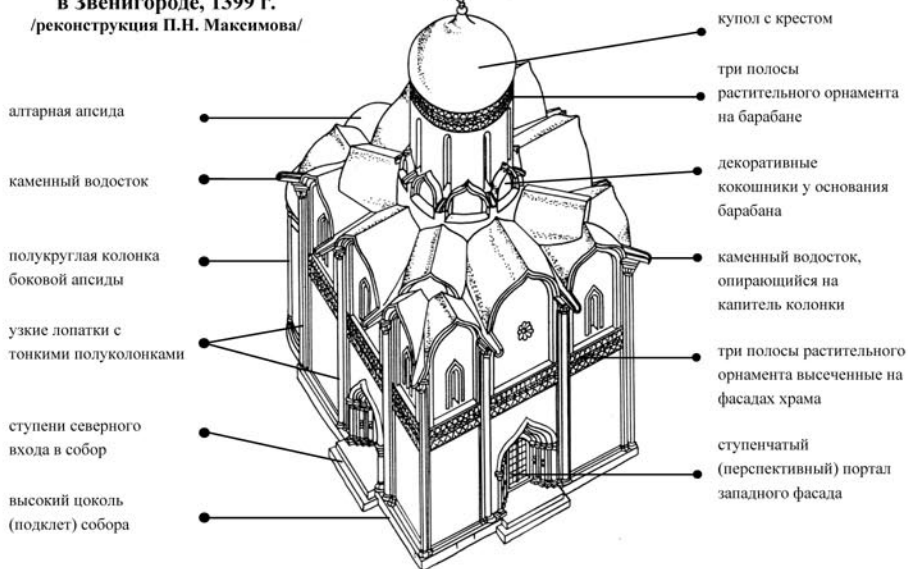
Западный фасад

Южный фасад

Рис. 1. Спасский собор Спасо-Андронникова монастыря в Москве, 1410–1427 гг.

**АксонOMETрический вид
Успенского собора «на Городке»
в Звенигороде, 1399 г.
/реконструкция П.Н. Максимова/**

Архитектура Московского княжества продолжала развлекать традиции Владимиро-Суздальской архитектуры XII – XIII вв., и наследуя черты зодчества наиболее развитых феодальных княжеств XIV – XV, обретает самостоятельные черты:

– в культовой архитектуре московские зодчие применяли один и тот же тип крестовокупольной, четырехстолпной, одноглавой, трехапсидной, покрытой по законам, небольшой по размерам церкви с хорами в западной части и внутренней лестницей (княжеские храмы) или без них (монастырские храмы), известный русской архитектуре уже в XIII веке;

– в конструктивном решении зодчие применяли ступенчато-повышающиеся своды, а основной объем храма объединяли с главой при помощи одного или нескольких рядов кокошников, ступенчато сужающихся кверху;

– фасады московских храмов зодчие членили по вертикали на три части узкими лопатками, иногда с тонкими полуколонками, которые завер-

шали резными каменными капителями;

– в качестве строительного материала зодчие применяли белый тесаный камень, единственный строительный материал из которого возводились стены, столбы и своды, и выполнялось декоративное убранство фасадов; позже зодчие начали применять кирпич, иногда в сочетании с камнем;

– в композиционном решении преобладало динамичное развитие архитектурного сооружения, нарастание объемов развивалось органично снизу вверх, ритмически чередуясь;

– детали архитектуры московских храмов: высокий цоколь, триступенчатый (перспективный) портала; несколько рядов кокошников перекрытия; три полосы растительного орнамента, высеченные по трем фасадам, по верху апсид и на барабане под куполом; узкие щелевидные окна без обрамления на фасадах и апсидах; тонкие полуколонки с резными капителями украшали фасады;

– во внутреннем убранстве храмов использовалась фресковая живопись и украшения из металла и все реже применялась мозаичная техника.

Рис. 2. Объемно-планировочное построение храмов Московского княжества в конце XIV – начале XV вв.

XV века были построены **Рождественский Саввино–Сторожевского монастыря собор** (1405 г.) и **Троицкий собор Троице–Сергиева монастыря** (1422–1423 гг.).

В течение первой четверти XV века московское зодчество, развивавшееся в основном на традициях владими́ро-суздальской архитектуры, уже превратилось в самостоятельную архитектурную школу. Существенно новое в московскую архитектуру внесли зодчие **Спасского собора Андроникова монастыря** в Москве (20-е годы XV века). Они решительно переработали всю композицию храма.

В Спасском соборе особенно заметны тенденции Москвы к собиранию всего прогрессивного в художественном наследии удельных княжеств XII–XIV вв. В основу его конструктивно-пространственного решения положена схема четырех-столпного храма с пониженными угловыми ячейками. Эта схема, применявшаяся еще в домонгольский период, выражала стремление русских мастеров отойти от византийских канонов и создать более динамичную, эмоциональную композицию церкви. Сочетая творческие искания многих поколений зодчих, создавших Пятницкий храм в Чернигове (конец XII в.) и построивших десятки церквей с пониженными угловыми ячейками в Киеве и Смоленске (XII–XIII вв.), в Новгороде и Пскове (XIII–XIV вв.), с московским приемом объединения основного объема с главой при помощи многочисленных кокошников, — строители собора Андроникова монастыря создали целостное столпообразное сооружение (рис. 1).

В конструкциях раннемосковского зодчества (XIV — первая половина XV в.) образцом для строителей сначала служили постройки Владимиро–Суздальского княжества. Была принята крестовокупольная система и техника кладки из тесанного камня с забутовкой, но качество кладки уступало владимирской, швы известкового раствора делались толще и обработка камня не была столь органичной. С конца XIV века всё больше сказывается влияние Смоленска, Чернигова, Новгорода и Пскова. Заметна тенденция к выделению завершающей части путем устройства повышенных подпружных арок. Наряду с конструктивными закомарами применялись декоративные кокошники, окружающие основание барабана. В структуре подчеркивалась яркость, иногда повышались угловые ячейки.

Рассмотренные выше памятники раннемосковского зодчества показывают, что в XIV — начале XV века великокняжеские зодчие уже хорошо освоили технику каменного строительства и выработали на основе передовых традиций других художественных школ свой архитектурный почерк (рис. 2).

Таким образом, раннемосковское зодчество явилось закономерным продолжением в развитии архитектуры Киевской Руси X–XII в., Владимиро–Суздальской архитектуры XII–XIII веков и Новгородско–Псковского зодчества XIII–XV веков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-восточной Руси XII–XV веков. М., 1962.
2. Иконников А. В. Тысяча лет русской архитектуры. М.: Искусство, 1990.
3. Максимов П. Н. Творческие методы древнерусских зодчих. М.: Стройиздат, 1976.
4. Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л.: Наука, 1986.
5. Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат, 1993.